

Кровь словно кипела в моих венах, сжигая меня изнутри, а галлоны пота, которые капали с меня, не помогали мне охладиться. Они лишь успели намочить халат, в который я был одет, приклеив его к груди, а также пропитать больничную койку, к которой я был пристегнут. Я скрипел зубами, переставляя руки и ноги, пытаюсь найти положение, которое принесло бы хоть какое-то облегчение, но я только натер запястья и лодыжки в местах крепления ремней.

- Перестань двигаться, объект L-15, - отдаленно услышал я чьи-то наставления рядом со мной, но звучало это так, будто они разговаривали из под воды. А может, это я был под водой. В этот момент я не мог сказать. Было ощущение, что я тону. Мой взгляд переместился вверх, к тому, кто говорил, и сквозь размытые пятна в глазах я узнал силуэт доктора К. Ее облик по большей части был размыт, но у нее были длинные каштановые волосы, собранные в пучок, и она была одета в белый лабораторный халат. Не думаю, что это было ее имя, но и не был уверен, что это не так.

Думаю, когда-то у меня тоже было имя, но я не мог его вспомнить. Воспоминания словно выжгли прямо из моего черепа.

- Сколько еще осталось? - прохрипел я, вцепившись в руль каталки побелевшими костяшками пальцев. Я привык к боли. Я не смог бы прожить так долго, если бы не привык к ней, но это было совсем другое. Моя кровь наполнилась обжигающим жаром, и боль не утихала и не ослабевала. Она началась в тот момент, когда в меня ввели беловато-голубую жидкость, и за прошедшее время жар только распространился по всему телу.

- Всё почти закончилось, L-15. Сохраняй спокойствие до конца, - сказала доктор К., ее голос был твердым, но не злым. Из всех врачей, с которыми мы работали, она была, пожалуй, самой доброй, но иногда ее трудно было полюбить. Когда приходило время работать, ты никогда не знал, что тебя ждет. Иногда ты торчал на бездумных опросах о музыкальных вкусах по шестнадцать часов подряд, а иногда оказывался на операционном столе, не зная, вернешься ли ты обратно.

Я услышал рядом с собой знакомый писк и на мгновение подумал, не мой ли это кардиомонитор, который начал сбиваться. Рядом со мной я услышал, как доктор К. выругалась, прежде чем обогнуть меня с другой стороны, ее белый лабораторный халат развеялся на ветру, когда она шла к кровати рядом со мной. Я несколько раз моргнул, чтобы прояснить зрение, но оно все еще оставалось стеклянным.

- Побочка, - сообщила доктор К., взяв иглу, наполненную фиолетовой сывороткой.

Мои брови сошлись, когда я попытался вспомнить, кого же привезли со мной на этот раз. Думать было трудно. Мои воспоминания были нечеткими. Как будто мой мозг был заполнен муравьями, и они ползали внутри моего черепа, пытаясь найти выход. За доктором К. и командой медиков я увидел очертания ярко-рыжей шевелюры и потрясающе белую кожу.

Ах. Z.

Мы были в одной возрастной категории. Я знал Z всю свою жизнь - с тех пор, как мы впервые очнулись здесь, в детском доме, в возрасте пяти лет. Так что вот уже десять лет я знал Z. Пустое чувство зародилось в моей груди, когда я наблюдал за тем, как медики пытаются заставить его сердце снова работать.

- Реакция, - услышал я голос доктора К., звучащий уверенно. Мы с Z часто работали вместе, так как были одними из последних в нашей группе, но в прошлый рабочий день он проходил тест в одиночку.

Я отвернулся от сцены, из уголка глаза капнула одинокая слеза. Или это мог быть пот.

- Прощай, Z, - пробормотал я, закрывая глаза и слушая, как замирает его кардиомонитор.

...

Когда я открыл глаза, то не почувствовал никакой боли. Моя кровь не казалась наполненной

огнем, но зуд был. Мои руки и ноги больше не были связаны, что позволило мне потереть натертую кожу, которая появилась из-за моего первоначального метания. Взглянув на знакомый потолок, я улучил момент и стал ждать звуков храпа, доносящихся с другого конца комнаты и чуть левее. Но вместо этого я услышал лишь тишину.

Я вздохнул и поднялся в сидячее положение, оказавшись в общежитии. Все было белым и стерильным - и стены, и пол, и потолок. Единственное, что менялось, - это оттенок белого. По форме общежитие представляло собой длинный прямоугольник, в котором когда-то было очень тесно. Двадцать шесть кроватей для двадцати шести ребят нашей группы. Однако с годами комната стала немного более просторной, так как кровати убрали, потому что тот, кто на них спал, не вернулся.

Мой взгляд устремился туда, где должна была стоять кровать Z, но обнаружил пустое место. Его кровать, как и все остальные, вывезли на колесиках, оставив комнату немного более пустой. Теперь? Теперь оставалось только четыре кровати. Моя, М, А и R.

Еще один вздох вырвался у меня, когда я заставил себя встать с кровати и, подоткнув одеяло, пролез к шкафу под кроватью, чтобы взять еще один комплект одежды. Одновременно там лежал только один комплект, и то лишь тогда, когда на мне еще не было комплекта спецодежды. Меня подвергали стерилизации, когда я входил в операционную и когда выходил из нее, поэтому мне не нужно было беспокоиться о душе. Я оделся в пару серовато-белых брюк и рубашку, а ноги обул в пару серых туфель.

<http://tl.rulate.ru/book/95670/4607026>